

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 49-УД21-56сп-А4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

г. Москва

28 декабря 2021 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Червоткина А.С.
судей Таратуты И.В. и Хомицкой Т.П.
при секретаре Горностаевой Е.Е.

рассмотрела в порядке сплошной кассации дело по кассационным жалобам адвокатов Ключганта В.В., Данилина И.В. и Молоканова Е.В. на приговор Верховного Суда Республики Башкортостан с участием присяжных заседателей от 17 марта 2021 года и на апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 04 августа 2021 года.

По приговору суда: **Евстафьев Сергей Васильевич**,

_____ несудимый,-

осужден к лишению свободы по: п.п. «а, в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на 9 лет; п.п. «ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 15 лет, с ограничением свободы на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 16 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на 1 год, с ограничениями, указанными в приговоре.

Мингазов Руслан Рустемович,

_____ несудимый,-

осужден к лишению свободы по: п.п. «а, в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на 8 лет; п.п. «ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 14 лет, с ограничением свободы на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 15 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на 1 год, с ограничениями, указанными в приговоре.

Апелляционным определением приговор оставлен без изменения.

По этому же делу осуждены Токарев Ф.В., Хасанов А.А. и Талипов Э.Р., в отношении которых кассационные жалобы не принесены.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации

Червоткина А.С., выступления адвокатов Ключганта В.В., Данилина И.В. и Молоканова Е.В., поддержавших доводы кассационных жалоб, прокурора Киселевой М.А., потерпевших П [] С [] и Я [] просивших об их отклонении, Судебная коллегия

установила:

Евстафьев С.В. и Мингазов Р.Р. признаны виновными в совершении в составе организованной группы: разбойного нападения на Я [] с причинением тяжкого вреда его здоровью, а также его убийства по найму, сопряженного с разбоем. Преступления совершены 20 июля 2018 года в г. Уфе при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В совместной кассационной жалобе адвокаты Ключгант В.В. и Данилин И.В. в интересах осужденного Евстафьева С.В. просят приговор и апелляционное определение отменить с передачей дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, указывая на то, что по делу были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона и неправильно применен уголовный закон.

Судом первой инстанции было нарушено право подсудимых на защиту путем запрета выдвигать другие (кроме обвинительной) версии совершения преступления и о причастности к нему других лиц, а в напутственном слове предписал присяжным не принимать такую информацию во внимание.

Суд апелляционной инстанции не выполнил своей обязанности по проверке всех доводов стороны защиты о неправомерности приговора. Он проигнорировал часть этих доводов, ограничившись формулировками об отсутствии нарушений закона. Им были рассмотрены только доводы основных апелляционных жалоб, и проигнорированы доводы, изложенные в дополнительных жалобах и в выступлениях в судебном заседании.

Председательствующий разрешил обвинению представить недопустимое доказательство - «протокол следственного эксперимента» с приложениями, подлинность которых опровергается заключениями специалистов. Вопреки требованиям ст. 181 УПК РФ, это следственное действие состояло не в воспроизведении обстановки или образования следов, а в печати на принтере одним из обвиняемых фрагментов тестовых изображений. Специалистами подтверждено, что эти фрагменты не могли быть распечатаны напрямую из электронного ящика, а были предварительно где-то сохранены, а их изготовление на телефоне «Самсунг» исключено. Несмотря на то, что суд апелляционной инстанции признал незаконность действий следователя (использование модема в нарушение правил посещения ИВС), он не усмотрел недопустимости самого этого доказательства.

Председательствующий незаконно отвел специалиста С [] отказал защите в представлении заключений других специалистов. Он смешал при этом официальную правовую оценку доказательств судом для целей вынесения вердикта с естественнонаучным исследованием материалов

дела специалистами. Суд апелляционной инстанции исследовал заключение специалистов С [] и П [] приобщил к делу научно-правовое заключение профессора С.А.Пашина, фактически признав их важность для уголовного дела, однако не дал им надлежащей оценки.

Председательствующий незаконно ограничил защиту и в представлении иных доказательств невиновности С.В.Евстафьева, более 30 раз отказав защите в представлении доказательств, и необоснованно сняв более 20 вопросов защиты при допросе свидетелей.

В вопросный лист были включены громоздкие формулировки, трудные для восприятия и изложенные в утвердительной форме, что привело к неясности и противоречивости вердикта. Эти формулировки позволили признать Евстафьева С.В. виновным, не только по п.п. «ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но еще и по п.п. «а, в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. В нарушение требований ч. 1 ст. 339 УПК РФ председательствующий сформулировал один вопрос о доказанности деяния в отношении всех преступлений, и неправомерно отказал защите во внесении в вопросный лист тех вопросов, ответы на которые подтвердили бы невиновность С.В.Евстафьева. В частности, вопросы об обстоятельствах, указывающих на эксцесс исполнителя. При этом согласно обвинению корыстных целей С.В.Евстафьев не преследовал, желая лишь избавиться от носителя компрометирующей информации.

Председательствующий вопреки требованиям закона, возвратил вердикт присяжных заседателей, являющийся оправдательным в отношении С.В.Евстафьева, для внесения в заполненный вопросный лист несущественных уточнений, связанных с его оформлением. Реальной же причиной этих действий было стремление пересмотреть состав коллегии присяжных для изменения первоначального вердикта в отношении С.В.Евстафьева с оправдательного на обвинительный.

Дело было рассмотрено незаконным составом коллегии присяжных ввиду замены присяжного заседателя № 10, произведенной несвоевременно, в нарушение ч. 1 ст. 329 УПК РФ (в процессе вынесения вердикта) и в отсутствие законных оснований. Из заявления присяжного № 10 следовало, что он не утратил объективность, а лишь высказал опасения за свою безопасность. Содержащийся в материалах дела текст постановления об удовлетворении самоотвода и замене присяжного № 10 не соответствует содержанию фактически оглашенного в судебном заседании постановления.

Состав коллегии присяжных был незаконным и по той причине, что старшина коллегии не был отстранен от участия в деле, несмотря на то, что он высказал свое мнение по делу до оглашения вердикта, и нарушил тайну совещания присяжных заседателей, разгласив в записке сведения о позиции присяжного заседателя № 10. Председательствующий не огласил эту записку, и не поставил на обсуждение в судебном заседании. Тем самым он не обеспечил сторонам возможность заявить ходатайство об отстранении старшины от участия в деле.

12.02.2021 в судебном заседании вместо секретаря Ю [] участвовал помощник судьи А [] без объявления об этом

участникам судебного разбирательства и без разъяснения права его на отвод. Следовательно, с момента вступления его в процесс и до объявления об этом сторонам с разъяснением права на отвод, секретарь судебного заседания в деле отсутствовал, как и составленная им часть протокола судебного заседания, поскольку она подписана неуполномоченным лицом.

Адвокат Молоканов Е.О. в кассационной жалобе просит приговор и апелляционное определение в отношении Мингазова Р.Р. отменить с передачей дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции в связи с допущенными нарушениями закона, выразившиеся: в непринятии председательствующим первого вердикта, не содержащего неясностей; в несоблюдении процедуры его провозглашения и обсуждения; в незаконном разрешении отвода присяжного заседателя на стадии провозглашения вердикта. Неоднократно возвращая коллегию присяжных в совещательную комнату, председательствующий указывал на неясность вердикта, не объясняя, в чём конкретно она заключалась.

При составлении вопросного листа председательствующим были допущены нарушения требований ст. ст. 338 и 339 УПК РФ, в соответствии с которыми стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов.

Позиция осужденного Мингазова Р.Р. сводилась к тому, что он, признавая наличие договорённости на похищение денег из квартиры Я [] [] путём насильственного похищения у него ключей от квартиры, отрицал наличие сговора на лишение его жизни. Он утверждал, что со стороны Токарева Ф.В. имел место эксцесс исполнителя. При таких обстоятельствах, вопросы о содержании предварительной договорённости Мингазова Р.Р. с другими осужденными, о моменте и обстоятельствах наступления смерти Я [] [] имели принципиальное значение. Однако председательствующий эти вопросы перед присяжными не поставил, а в поставленных вопросах не была раскрыта субъективная сторона преступления, не указаны цели действий Мингазова. Постановка единого вопроса при объединении двух основных вопросов по событиям всех преступлений лишила присяжных возможности правильно оценить обстоятельства, не позволила им принять альтернативное решение.

Принимая во внимание, что в деле нет доказательств предварительной договорённости на убийство, у суда имелись достаточные основания для вывода о том, что в действиях Токарева Ф.В. имел место эксцесс исполнителя, следовательно, для оправдания Мингазова Р.Р. по обвинению в убийстве (в соответствии со ст. 348 УПК РФ).

Судом был нарушен и уголовный закон. Описание в приговоре преступных деяний не дает оснований для квалификации действий Мингазова Р.Р. как совершенных в составе организованной группы. Они могли быть квалифицированы как совершённые в группе лиц по предварительному сговору.

Кроме того, Мингазову Р.Р. было назначено чрезмерно суровое наказание, поскольку коллегией присяжных он был признан заслуживающим

снисхождения. Поэтому максимальное наказание, которое суд мог ему назначить по п.п. «ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ не могло превышать 13 лет лишения свободы. Кроме того, судом не учтён молодой возраст Мингазова Р.Р., степень фактического участия в совершении преступления, отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание. При разрешении вопроса о размере компенсации морального вреда, судом не в полной мере дана оценка имущественному положению Мингазова Р.Р. и его семьи, вследствие чего определенный судом размер компенсации морального вреда не отвечает требованиям разумности и справедливости.

В возражениях на кассационные жалобы государственные обвинители Карачурина М.В. и Фаттахов Р.Р., потерпевшие Я [] С [] и П [] просят их отклонить.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия находит, что выводы суда о виновности осужденных Евстафьева С.В. и Мингазова Р.Р. основаны на вердикте присяжных заседателей. Вынесенный приговор соответствует требованиям закона об особенностях его постановления судом с участием присяжных заседателей.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом председательствующий, постановляя приговор на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, в описательно – мотивировочной части приговора правильно указал лишь преступное деяние, в котором осужденные признаны виновными, и квалификацию содеянного. Указания в приговоре о подтверждении выводов суда доказательствами, исследованными в судебном заседании, либо об опровержении доводов осужденного о своей невинности, об оценке противоречий в доказательствах, по закону не требуется. Поэтому доводы адвоката Молоканова Е.О. о том, что в деле нет доказательств предварительной договорённости между осужденными на убийство, удовлетворению не подлежат.

Формирование коллегии присяжных заседателей произведено с соблюдением требований ст.ст. 328-329 УПК РФ.

Изложенные в кассационных жалобах доводы о том, что судом первой инстанции было нарушено право подсудимых на защиту путем запрета стороне защиты, начиная с произнесение вступительного слова, выдвигать другие версии обстоятельств преступления и о причастности к нему других лиц, не подтверждаются протоколом судебного заседания.

Председательствующий разъяснял присяжным заседателям положения, предусмотренные ст. 252 УПК РФ о том, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемых и лишь по предъявленному им обвинению. Во вступительном слове председательствующий сообщил присяжным заседателям о том, что сторона обвинения и сторона защиты представят им свои версии оценки доказательств и свое видение значения данных доказательств. Они же (присяжные) должны будут решить, где истина и как было все на самом деле, доказано ли предъявленное обвинение (т. 81, л.д. 180).

Стороны во вступительных заявлениях сообщили свои версии относительно предъявленного подсудимым обвинения. Сторона обвинения поддержала версию о причастности всех подсудимых к совершению преступлений в составе организованной группы. Защита Евстафьева С.В. настаивала на его полной непричастности к совершению преступлений. Остальные осужденные и их защитники заявили о том, что осужденные намеревались совершить открытое похищение имущества Я [] а его убийство было совершено одним Токаревым Ф.В., вышедшим за пределы предварительной договоренности.

Таким образом, в судебном заседании присяжным были представлены сторонами не только версия, соответствующая предъявленному обвинению, но и иные версии совершения преступлений.

В ходе судебного разбирательства сторонами давалась оценка и возможной причастности иных лиц к совершению преступлений.

Так, при допросе свидетелей С [] Б [] О [] [], А [] и других исследовались обстоятельства возможной причастности к преступлениям иных лиц, включая самого А [] [], о его взаимоотношениях со своим зятем – подсудимым Токаревым.

Государственный обвинитель Фаттахов Р.Р. в выступлении в судебных прениях в присутствии присяжных заявил, что предположение о причастности к преступлению Ахмаметьева не имеет под собой разумных оснований. Судом были допрошены свидетели из числа руководства завода «Уфимское моторостроительное производственное объединение» (УМПО) (С [] и С []) и сам А [] которые показали, что Ахмаметьев не мог претендовать на вышестоящую должность и иметь мотив для устранения потерпевшего (т. 85, л.д. 193).

Представителями стороны защиты подсудимого Евстафьева С.В. многократно приводились доказательства и доводы, свидетельствующие о том, что преступление (по их мнению) было совершено не Евстафьевым С.В., а другим лицом или лицами.

Так, в выступлении в судебных прениях адвокат Исмагилов Ф.Ф. в защиту интересов Евстафьева С.В. сообщил присяжным заседателям, что на скамье подсудимых мог находиться совершенно другой человек. С [] А [] или любой другой из руководства «УМПО». Обращал внимание на то, что нападение на Я [] совершено зятем А [], то есть зятем подчиненного Я [] и ответ на вопрос (о его причастности к преступлению) тоже очевиден (т. 85, с. 250).

При таких обстоятельствах замечания председательствующего, в том числе, в напутственном слове, о том, что сторона защиты доводила до присяжных «иную версию случившегося, что не допустимо», носили формальный характер, не препятствовали сторонам довести до сведения присяжных заседателей собственные версии обстоятельств совершения преступных действий, причастности к ним других лиц, и осуществлять свои процессуальные права.

Данных о том, что в суде исследовались неотносимые и (или) недопустимые доказательства, или ошибочно исключены из разбирательства дела допустимые доказательства, либо необоснованно отказано сторонам в исследовании доказательств, не имеется.

Все ходатайства, касающиеся недопустимости доказательств были разрешены председательствующим после их обсуждения с участием сторон. Законные и обоснованные ходатайства председательствующий удовлетворил, отказ в удовлетворении других ходатайств надлежащим образом мотивировал.

В судебном заседании было тщательно проверено, и обоснованно отклонено заявление стороны защиты о признании недопустимым доказательством протокола следственного эксперимента от 22.10.2019 и приложенных к нему фрагментов текстовых изображений.

В соответствии со ст. 181 УПК РФ следственный эксперимент проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события.

Как усматривается из показаний следователя А [REDACTED] [REDACTED] допрошенного судом в качестве свидетеля в отсутствие присяжных заседателей, а также из самого протокола следственного эксперимента (т. 24 л.д. 183-193), он был проведен с целью получения от обвиняемого Токарева Ф.В. сведений о содержании его переписки с Евстафьевым С.В. посредством сети Интернет.

Свидетель А [REDACTED] в частности, показал, что Токарев Ф.В. с помощью ноутбука и модема вышел в сеть интернет и распечатал на принтере скриншоты. В них содержалась информация об обсуждении Токарева В.В. с Евстафьевым С.В. обстоятельств слежки за потерпевшим Я [REDACTED] и планировании преступления. По каждому скриншоту с текстовыми изображениями Токарев Ф.В. дал свои комментарии, отраженные в протоколе. Сведения о конкретных источниках, содержащих эти скриншоты, Токарев Ф.В. из памяти ноутбука удалил (т. 84, л.д. 237).

Из показаний начальника изолятора временного содержания (ИВС) Г [REDACTED] также допрошенного в суде в качестве свидетеля в отсутствие присяжных, следует, что в режимном блоке ИВС по ведомственной инструкции нельзя использовать технические средства, которые имеют выход в интернет. В то же время каких-либо устройств, препятствующих такому выходу, там нет. Согласно письму следователя А [REDACTED] ему было дано разрешение на пронос в помещение ИВС принтера, ноутбука и оптической мыши (т. 84, л.д. 246-248).

В протоколе следственного эксперимента указано, что при его производстве использовались технические средства: ноутбук «Леново 330», принтер «ФС 1040», модем «МТС». Данное следственное действие было произведено в помещении ИВС с участием понятых, обвиняемого Токарева Ф.В. и его защитника, от которых каких-либо замечаний по содержанию и процедуре этого следственного действия не поступило.

При таких обстоятельствах суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что само по себе отсутствие формального разрешения администрации изолятора на пронос в помещение ИВС модема при проведении следственного эксперимента, не влечет за собой признание протокола следственного эксперимента недопустимым доказательством.

Не могут быть признаны обоснованными и содержащиеся в кассационных жалобах доводы о незаконности судебных решений, принятых по представленным стороной защиты заключениям специалистов С [REDACTED] и П [REDACTED].

Как видно из протокола судебного заседания оба указанных специалиста представили свои заключения, в частности, относительно скриншотов, приобщенных к протоколу следственного эксперимента. Оба они были допрошены в судебном заседании в отсутствие присяжных заседателей.

В удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста С [REDACTED] было отказано на том основании, что в нем отсутствует изложение методики, примененной при исследовании, перечень оборудования, ссылка на использованную литературу, а компетентность в компьютерно-технической, фототехнической области не подтверждена (т. 85, л.д. 131, 146)

В то же время ходатайство о приобщении к материалам дела и исследовании в присутствии присяжных заседателей заключения специалиста П [REDACTED] от 15.01.2021 по тем же скриншотам было удовлетворено, и оно было исследовано в присутствии присяжных заседателей (т. 85, л.д. 166-167, 179).

Ходатайства о приобщении к материалам дела других заключений специалистов были рассмотрены председательствующим, и по ним были приняты мотивированные решения, соответствующие закону. Суд апелляционной инстанции исследовал заключения специалистов С [REDACTED] и П [REDACTED] в целях проверки законности принятых по ним решений судом первой инстанции, и обоснованно не нашел оснований для признания этих решений неправосудными.

Что касается «научно-правового заключения» кандидата юридических наук профессора С.А.Пашина, как правильно указано в апелляционном определении, оно не может быть принято во внимание. Частные мнения отдельных юристов, не являющихся участниками процесса по делу, относительно законности тех или иных судебных решений не могут подлежать оценки судами вышестоящих инстанций при пересмотре уголовных дел. Эта функция принадлежит исключительно самим этим судебным инстанциям.

Что касается содержащихся в кассационной жалобе адвокатов Клювганта В.В. и Данилина И.В. доводов о том, что председательствующий отказывал защите в представлении доказательств, и необоснованно снимал вопросы защиты при допросе свидетелей, то все заявленные сторонами

ходатайства были разрешены судом в установленном законом порядке. Снятие некоторых вопросов свидетелям не помешало сторонам выяснить все интересующие их сведения относительно фактических обстоятельств дела.

Являются необоснованными и доводы стороны защиты о том, что дело было рассмотрено незаконным составом коллегии присяжных ввиду неправильной замены присяжного заседателя № 10, а также не отстранения от участия в деле старшины коллегии присяжных, разгласившего тайну совещания присяжных заседателей.

В соответствии с законом если в ходе судебного разбирательства, кто-либо из присяжных заседателей не может продолжать участвовать в судебном заседании или отстраняется судьей от участия в судебном заседании, то он заменяется запасным присяжным заседателем (ч. 1 ст. 329 УПК РФ). Если невозможность участия в судебном заседании кого-либо из присяжных заседателей выявится во время вынесения вердикта, то присяжные заседатели должны выйти в зал судебного заседания, произвести доукомплектование коллегии из числа запасных присяжных заседателей и удалиться для дальнейшего обсуждения вердикта (ч. 4 ст. 329 УПК РФ).

Из протокола судебного заседания усматривается, что присяжный заседатель № 10 Г [REDACTED] заявил о самоотводе, объяснив его тем, что он обнаружил за собой слежку, в связи с чем не может объективно принимать решения, любое из которых будет неправильным. Он попросил исключить его из коллегии присяжных. На уточняющий вопрос, уверен ли он, что это может повлиять на принимаемое им решение, он ответил, что не повлияет, но он не желает никаких последствий. При этом присяжный заседатель свой самоотвод не отозвал, и о применении в отношении него каких-либо мер защиты не просил (т. 86, л.д. 123-125).

При таких обстоятельствах самоотвод данного присяжного заседателя был обоснованно удовлетворен. Он был отстранен от участия в деле, и заменен очередным запасным присяжным заседателем.

То обстоятельство, что содержание приобщенного к материалам дела постановления об удовлетворении данного самоотвода (т. 81, л.д. 81) текстуально не вполне соответствует аудиозаписи судебного заседания, не является основанием для признания незаконным самого принятого председательствующим решения. Из текста постановления и аудиозаписи с очевидностью следует, что причиной отстранения от участия в деле присяжного заседателя явился его самоотвод, заявленный ввиду утраты им объективности при принятии решений.

Не может быть признана эта замена присяжного заседателя и несвоевременной, как это указано в кассационных жалобах. Уголовно-процессуальный закон (ст. 329 УПК РФ) предусматривает возможность отстранения или замены присяжного заседателя не только в ходе судебного разбирательства, но и во время вынесения вердикта. По данному делу замена присяжного заседателя была произведена в процессе вынесения вердикта. В тот момент, когда коллегия присяжных заседателей вышла из совещательной комнаты, но до вынесения окончательного вердикта и его провозглашения.

Как видно из протокола судебного заседания после удовлетворения самоотвода и замены присяжного заседателя Г [] другим заседателем, но до удаления коллегии в совещательную комнату старшина присяжных заседателей передал председательствующему через секретаря судебного заседания записку.

Доводы стороны защиты о том, что содержание этой записки свидетельствует о том, что в ней старшина высказал свое мнение по делу, нарушил тайну совещания присяжных заседателей, разгласив сведения о позиции присяжного заседателя № 10, и потому подлежал отстранению от участия в деле, являются необоснованными.

Полный текст записки выглядит следующим образом: «Я как старшина коллегии присяжных заседателей считаю необходимым сообщить следующее. Одним из присяжных заседателей были высказаны сомнения ко всей судебной системе Российской Федерации. Исходя из вышеизложенного, у меня как старшины коллегии присяжных заседателей, возникли сомнения в объективности принятых решений и принимаемых решений. Кроме того, Г [] признал, что не сможет быть объективным в принятии решений» (т. 81, л.д. 82).

В соответствии с правовыми позициями, высказанными в Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 N 33-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина []. А []», уголовно-процессуальный закон предполагает право лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных, дать пояснения суду по поводу нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, не разглашая сведения о суждениях присяжных при голосовании по поставленным перед ними вопросам.

В указанной записке старшина присяжных заседателей сообщил лишь об обстоятельствах, свидетельствующих о проявляемой необъективности присяжного заседателя Г [] о чем он и сам к этому времени сообщил суду. Каких-либо сведений о суждениях присяжных при голосовании по вопросам, поставленным перед ними в вопросном листе, записка не содержит.

Таким образом, в указанной записке старшина коллегии не нарушил тайну совещания присяжных заседателей, не высказал свое мнение по поставленным в вердикте вопросам, и не сообщил мнения об этом других присяжных заседателей, включая присяжного заседателя № 10. Следовательно, оснований для отстранения его от участия в деле по этим основаниям не было.

Поскольку к этому времени уже была произведена замена присяжного заседателя, о необъективности которого идет речь в данной записке, необходимости принятия в связи с этим процессуального решения не было. Приобщение ее к материалам дела без оглашения не свидетельствует о нарушении требований закона и процессуальных прав сторон.

Вопреки доводам, содержащимся в кассационной жалобе, нарушений требований ст.ст. 338, 339 УПК РФ, регламентирующей порядок постановки

вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, также допущено не было.

Вопросный лист был составлен судьей в соответствии с законом, с учетом обвинения, предъявленного каждому из подсудимых, в том числе, Евстафьеву С.В. и Мингазову Р.Р., результатов судебного следствия и прений сторон. Стороне защиты при этом была предоставлена возможность высказать замечания и предложения по формулировкам вопросного листа.

Председательствующий в пределах своих полномочий в соответствии со ст. 338 УПК РФ в совещательной комнате окончательно сформулировал вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями. Он сформулировал один вопрос о доказанности деяния в отношении всех вмененных каждому из подсудимых преступных действий.

В силу ст. 339 УПК РФ вопросы ставятся в вопросном листе по каждому деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый, а не по статьям УК РФ, по которым квалифицированы эти деяния. Поскольку присяжные заседатели в соответствии с полномочиями, указанными в ст. 334 УПК РФ устанавливают лишь фактическую сторону деяния, при идеальной совокупности преступлений, когда одно действие содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя и более статьями УК РФ, перед ними ставится один вопрос.

Так как убийство, сопряженное с разбоем, и разбой с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего образуют идеальную совокупность преступлений, постановка одного вопроса в вопросном листе о доказанности фактической стороны данного деяния соответствует требованиям закона.

Председательствующий не усмотрел необходимости постановки частных вопросов по позиции стороны защиты, и это решение не противоречит положениям ст. 339 УПК РФ. Формулировка вопросов не предопределяла ответы на них, позволяла учесть позицию стороны защиты. В том числе, в отношении подсудимого Евстафьева С.В., позиция которого заключалась в полном отрицании причастности к преступлениям. Присяжным было разъяснено право дать отрицательные ответы на поставленные вопросы, либо вычеркнуть недоказанные обстоятельства.

Закон не требует приведения председательствующим мотивов отклонения предложений стороны защиты о формулировке вопросов вопросного листа, вынесения по этому поводу специального решения и его мотивировки.

Председательствующий обоснованно не поставил перед присяжными заседателями вопросы, требующие излишней детализации, в том числе, об эксцессе исполнителя и относящиеся к субъективной стороне состава преступления, как на это обращается внимание в кассационных жалобах, поскольку согласно закону присяжные заседатели являются судьями факта, и не могут отвечать на вопросы, требующие юридических познаний.

В соответствии с ч. 2 ст. 345 УПК РФ, найдя вердикт неясным или противоречивым, председательствующий указывает на это коллегии

присяжных заседателей, и предлагает им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Ознакомившись с первоначально переданным ему коллегией присяжных вердиктом по данному делу, председательствующий пришел к выводу о том, что он содержит противоречия и неясности, на которые он, вопреки имеющимся в кассационных жалобах утверждениям, указал присяжным заседателям. В частности, он пояснил, что в ответах на вопросы необходимо было указать «за» и отразить количество голосов за тот ответ, который указан в вопросном листе и словами «против» указать количество голосов против этого ответа. В случае если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, записываются слова «без ответа». Обвинение по делу предъявлено так, что действия одного лица пересекаются в нескольких вопросах. Если признаются недоказанными действия одного лица в ответе на один из вопросов, то его действия, если они отражены в вопросах, поставленных в отношении других лиц, также подлежат исключению (т. 86, л.д. 121).

Доводы адвокатов Ключганта В.В. и Данилина И.В. о том, что первоначально вынесенный вердикт в отношении Евстафьева С.В. был «однозначно оправдательным» не соответствует материалам дела. Как видно из текста вопросного листа на вопрос № 2 относительно участия Евстафьева С.В. в подготовке и совершении преступных действий голоса присяжных заседателей первоначально разделились поровну.

Однако на вопрос № 5 относительно участия Токарева Ф.В. в подготовке и совершении преступных действий был дан ответ о доказанности указанных в данном вопросе действий. При этом присяжными было признано доказанным, в частности, что Токарев Ф.В. согласился на предложение Евстафьева С.В. за денежное вознаграждение в размере 10 миллионов рублей совершить нападение на Я [] [] забрать находящиеся при нем документы, мобильный телефон, а также лишить его жизни. Далее, судя по ответу на данный вопрос, было признано доказанным, что Евстафьев С.В. осуществлял общее руководство совершением нападения и лишения жизни Я [] по согласованию с ним Токарев Ф.В. привлек к участию в преступлении других лиц. После совершения нападения Токарев Ф.В. доложил об этом Евстафьеву С.В., и через неустановленное лицо передал Евстафьеву С.В. похищенные у потерпевшего документы и мобильный телефон. Также причастность Евстафьева С.В. к преступлениям была признана установленной при ответе на вопросы № 8 в отношении Хасанова А.А.; № 11 в отношении Мингазова Р.Р. и № 14 в отношении Талипова Э.Р. (т. 81, л.д. 114-123).

Обоснованно найдя вердикт неясным и противоречивым, председательствующий с соблюдением требований, предусмотренных ч. 2 ст. 345 УПК РФ, указал на это коллегии присяжных заседателей, и предложил им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

После перерыва и замены при указанных выше обстоятельствах одного из присяжных заседателей председательствующий дополнительно разъяснил, что обсуждение вопросов и заполнение вопросного листа ими начинается заново, так как новый присяжный заседатель не участвовал в предыдущем обсуждении. Если присяжные не пришли к единодушию в течение трех часов, то после истечения трех часов решение принимается путем голосования. Оно может быть таким же, каким было, может быть и другим (т. 86, л.д. 125).

При таких обстоятельствах Судебная коллегия не находит оснований для удовлетворения ходатайства адвоката Клювганта В.В. о приостановлении производства по данному делу и направлении запроса в Конституционный Суд РФ о проверке на соответствие Конституции РФ положений ч. 2 ст. 345 УПК РФ. Содержащиеся в ходатайстве утверждения о том, что положения ч. 2 ст. 345 УПК РФ позволили председательствующему судье не применять последствия оправдательного по своему содержанию вердикта коллегии присяжных под предлогом внесения уточнения неясностей, допущенных при его оформлении, не соответствуют материалам дела. Сами эти нормы закона не требуют проверки на соответствие их Конституции РФ.

Каких-либо неясностей в связи с поставленными вопросами, у присяжных заседателей на момент вынесения вердикта в окончательной его редакции не возникло. Изложенная постановка вопросов и их содержание позволяли присяжным заседателям полно и всесторонне оценить представленные доказательства и сделать вывод о виновности или невиновности подсудимых, установить роль каждого из них в совершении преступлений.

Не могут быть признаны обоснованными и содержащиеся в кассационной жалобе адвокатов Клювганта В.В. и Данилина И.В. доводы о том, что 12.02.2021 (с 16 часов 32 минут до 17 часов 37 минут) в судебном заседании вместо секретаря Ю [] участвовал помощник судьи А [] без разъяснения сторонам права на его отвод, что является основанием к отмене приговора.

Согласно протоколу судебного заседания в этот период времени произошло лишь следующее: старшина присяжных заседателей передал председательствующему вопросный лист с внесенными в него ответами. Председательствующий объявил перерыв для изучения вопросного листа (т. 86, л.д. 127).

Указанные действия были произведены в присутствии всех участников процесса, и факт их совершения сторонами не оспаривается. Замена секретаря была очевидной для участников процесса. Однако ни до, ни после разъяснения сторонам данного права отвод помощнику судьи, исполнявшему обязанности секретаря, заявлен не был. В кассационных жалобах не сообщается причин для его отвода. В материалах дела также нет сведений, которые послужили бы препятствием для его участия в деле в качестве секретаря судебного заседания. Поэтому нет никаких оснований считать,

составленную им часть протокола недействительной, либо отсутствующей, и на этом основании ставить под сомнение законность приговора.

Таким образом, нарушений уголовно-процессуального закона, которые могли бы повлиять на вынесенный присяжными заседателями вердикт, повлечь за собой отмену приговора или апелляционного определения, по делу допущено не было.

При обстоятельствах, установленных вердиктом коллегии присяжных заседателей, действия осужденных Евстафьева С.В. и Мингазова Р.Р., в том числе, как совершенные в составе организованной группы, председательствующим квалифицированы правильно.

При этом судом обоснованно было учтено, что в соответствии с вердиктом осужденные заранее договорились о нападении на потерпевшего с целью завладения его имуществом. В ходе совершения преступлений действовали в соответствии с разработанным планом, с определенной заранее ролью, выполняя при этом конкретные функции, направленные на достижение единой цели. Совершению преступлений предшествовала их длительная совместная подготовка, приготовление орудий преступлений, автомобиля, необходимых в ходе реализации преступного умысла и экстренного покидания места преступления, наличие масок и перчаток, способствующих затруднению в последующем опознавании лиц. Указанные обстоятельства свидетельствуют о правильной оценке совершения преступлений в составе организованной группы.

Доводы о неправильности квалификации действий Евстафьева С.В. как разбоя, поскольку он не преследовал корыстных целей, также являются необоснованными.

Вердиктом установлено, что Евстафьев С.В. в связи с наличием подозрений о том, что его заместитель Я [] [] обладает компрометирующими его документами, решил лишить его жизни и завладеть его мобильным телефоном и указанными документами. Он предложил Токареву Ф.В. за денежное вознаграждение в виде 10.00000 рублей лишить жизни Я [] забрать находящиеся при нем документы и мобильный телефон. После нападения Токарев Ф.В. забрал у Я [] в том числе, мобильный телефон стоимостью 27 557,16 руб. и портфель стоимостью 18 463,07 руб. с документами. В тот же день Токарев Ф.В. передал неустановленному лицу для последующей передачи Евстафьеву С.В. указанные телефон и документы.

Наказание Евстафьеву С.В. и Мингазову Р.Р. назначено с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, данных о личности каждого из осужденных и всех обстоятельств дела.

Вопреки доводам, содержащимся в кассационной жалобе адвоката Молоканова Е.В. наказание осужденному Мингазову Р.Р. по ч. 2 ст. 105 УК РФ назначено в предусмотренных законом пределах.

В соответствии со ст. 65 УК РФ срок или размер наказания лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Однако если соответствующей статьей Особенной части УК РФ предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы (как это предусмотрено ч. 2 ст. 105 УК РФ), эти виды наказаний не применяются, а наказание назначается в пределах санкции указанной статьи. То есть, в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет.

Гражданский иск судом разрешен в соответствии с законом с соблюдением требований, предусмотренных ст.ст. 150, 151, 1101 ГК РФ. Размер компенсации причиненного морального вреда, определен с учетом принципов разумности и справедливости, материального положения каждого из осужденных.

В апелляционном порядке уголовное дело рассмотрено с соблюдением положений, предусмотренных главой 45.1 УПК РФ. Апелляционное определение отвечает требованиям, предусмотренным ст. 389.28 УПК РФ.

В нем, в частности, содержится краткое изложение доводов лиц, подавших апелляционные жалобы и представление, возражений других лиц, а также мотивы принятого решения. Отдельной оценки каждого из доводов, с указанием, где они содержатся – в основных или в дополнительных апелляционных жалобах, либо в выступлениях сторон в ходе судебного разбирательства дела судом апелляционной инстанции, уголовно-процессуальный закон не требует.

С учетом изложенного и руководствуясь ст. 401.14 – 401.16 УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан с участием присяжных заседателей от 17 марта 2021 года и апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 04 августа 2021 года в отношении **Евстафьева Сергея Васильевича и Мингазова Руслана Рустемовича** оставить без изменения, а кассационные жалобы адвокатов Ключганта В.В., Данилина И.В. и Молоканова Е.В. - без удовлетворения.

Определение суда кассационной инстанции может быть обжаловано в Президиум Верховного Суда Российской Федерации в порядке судебного надзора, установленном главой 48¹ УПК РФ.

Председательствующий

Судьи